

Дорогой длинною...

К 130-летию со дня рождения
А. Н. Вертинского – поэта,
композитора, артиста

Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела...

А. Блок

Многое я помню ясно и отчетливо, но многое стерлось в памяти. Что же осталось?

Лоскутки... Маленькие разноцветные лоскутки... Обрывки, клочки минувшего, обрезки и остатки. Ну что ж. Ведь из лоскутков можно сшить, например, одеяло. Или даже ковер! Правда, он будет пестрым, но и вся жизнь моя была пестра.

Приукрашать и облагораживать прошлое, подгонять то, что сберегла память, под сегодняшние уже зрелые взгляды и понятия мои мне не хочется. Эта книга даже не мемуары. Это сильно потрепанная записная книжка, найденная на самом дне сундука памяти, добрая половина страниц которой вырвана или унесена ветрами времени. Книжка человека, у которого было немного свободных минут, ведь для того, чтобы прожить на чужбине, - надо много и тяжело работать. Все же кое – что в ней сохранилось...

Девятого марта, по православному календарю на «40 мучеников», в день моего рождения, торжественно и пышно приходила весна. Приходила она точно в назначенный день, никогда не опаздывая и не заставляя себя ждать. Она приходила, как добрый хозяин в свой старый, заколоченный на зиму дом, и сразу принималась за работу. Открывала ставни, очищала снег с крыш, раскутывала молодые яблони в саду и наводила порядок.

Киев – родина нежная,
Звучавшая мне во сне,
Юность моя мятежная,
Наконец ты вернулась мне !

Я готов целовать твои улицы,
Прижиматься к твоим площадям.
Я уже постарел, ссутулился,
Потерял уже счет годам.

А твои каштаны дремучие,
Паникадила Весны,
Все цветут, как и прежде могучие,
Берегут мои детские сны.

Я хожу по родному городу,
Как по кладбищу юных дней.
Каждый камень я помню смолоду,
Каждый куст выростал при мне.

Здесь тогда торговали мороженым,
А на лево была каланча...

Пожалей меня, Господи Боже мой...
Догорает моя свеча!..

Помню, где-то в Польше, в местечке, я перевязывал раненых в оранжерее какого – то польского пана. Шли тяжелые бои, и раненые поступали непрерывным потоком. Двое суток я не смыкал глаз. Немцы стреляли разрывными пулями, и ранения почти все были тяжелыми. А на перевязках тяжелораненых я был один. Я делал самую главную работу-обмывал раны и вынимал пули и осколки шрапнели. Мои руки были , так сказать, «священны» - я не имел права дотрагиваться ими до каких-либо посторонних вещей и предметов. Каждые пять часов менялись сестры и помощники, а я оставался...

Однажды, проснувшись утром, я выяснил, что я уже несомненная знаменитость. Действительно, билеты в Петровском театре на мои выступления были раскуплены на всю неделю вперед. Нотные магазины на Петровке были завалены моими нотами. В витринах Аванцо на Кузнецком мосту стояли мои портреты в костюме Пьеро...

До сих пор не понимаю: откуда у меня набралось столько смелости, чтобы, не зная толком ни одного языка, будучи капризным, избалованным русским актером, неврастеником, совершенно не приспособленным к жизни, без всякого жизненного опыта, без денег и даже без веры в себя, так необдуманно покинуть родину...

Каждая страна имеет свой особый запах, который вы ощущаете сразу при въезде в нее. Англия, например, пахнет дымом, каменным углем и лавандой, Америка – газOLIном и жженой резиной, Германия – сигаретами и пивом, Испания чесноком и розами, Япония - копченой рыбой. Запах этот запоминается навсегда, и, когда хочешь вспомнить страну, вспоминаешь ее запах. И только наша родина, необъятная и далекая, оставила на всю жизнь тысячи ароматов своих лугов, полей, лесов и степей...

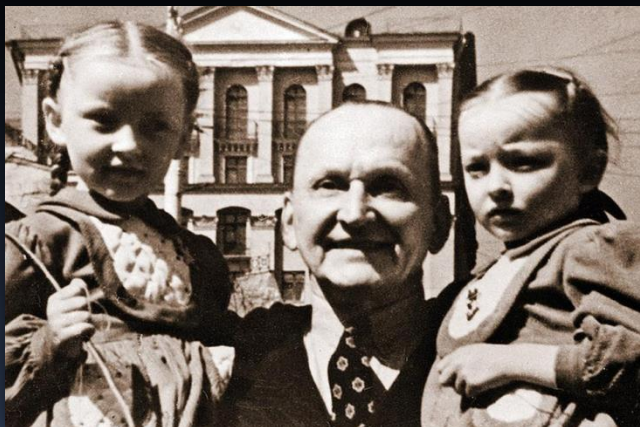

Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски...
И никак понять не можем,
Что в сочувствии чужом
Только раны мы тревожим,
А покоя не найдем.
И пора уже сознаться,
что напрасен дальний путь,
Что довольно улыбаться,
Извиняться как-нибудь...
Что пора остановиться,
Как-то, где-то отдохнуть
И спокойно согласиться,
Что былого не вернуть.
И ещё понять беззлобно,
Что свою-пусть злую-мать
Все же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать!
А она цветет и зреет,
возрожденная в огне,
И простит, и пожалеет
И о вас , и обо мне!

... Я прожил за границей двадцать пять лет. В моих гастрольных поездках по белу свету я останавливался в первоклассных отелях, спал на мягких постелях, окруженный максимальным комфортом. И двадцать пять лет мне снился один и тот же сон. Мне снилось, что я, наконец, возвращаюсь домой и укладываюсь спать на... старый мамин сундук, покрытый грубым деревенским ковром. Неизъяснимое блаженство охватывало меня. Наконец я дома! Вот что всегда значила для меня родина. Лучше сундук дома, чем пуховая постель на чужбине...

Доченьки

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня!...

И теперь с новым смыслом и
целью
Я, как птица, гнездо свое вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивленно пою:

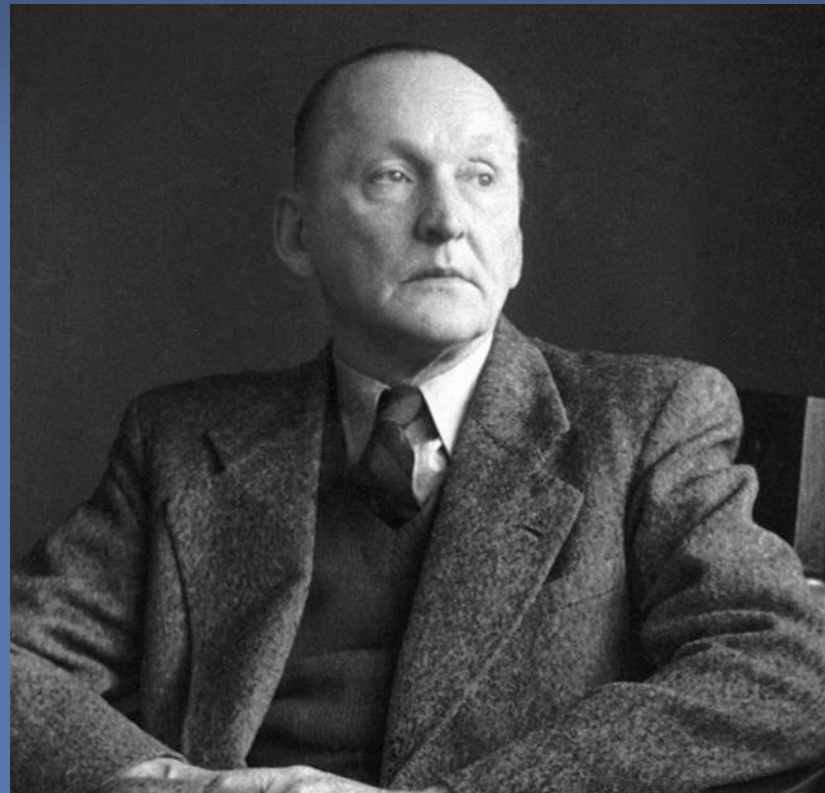
Доченьки, доченьки,
Доченьки мои!
Где ж вы, мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?..

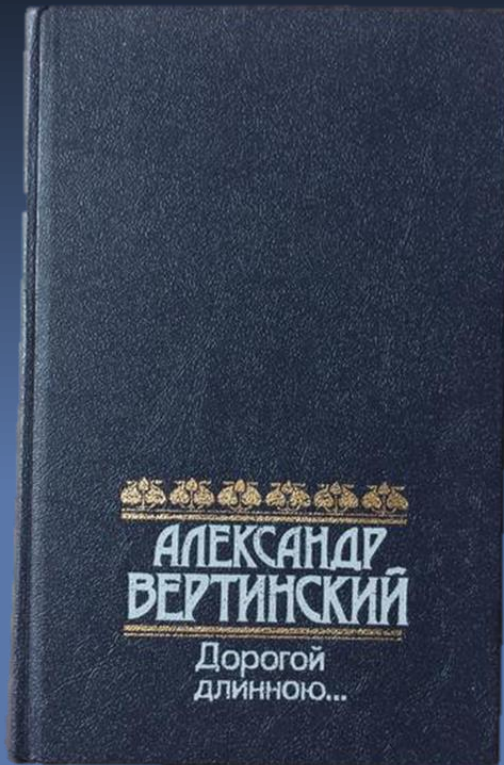
Жить! Жить очень трудно!

Пока ты молод, ты не замечаешь этой трудности. Твое внимание отвлекают тысячи мелочей, тебя очаровывают всевозможные земные развлечения и «недостижимости», тебя манят к себе планы и мечты, «победы» такие трудные и такие ненужные – отвлекают твое внимание от главного – от того, что ты ЖИВЕШЬ!.. Самое трудное - это жить!

Просто жить!

Виртуальная выставка подготовлена по книге
А. Н. Вертинского «Дорогой длиною...»

Вертинский, А. Н.

Дорогой длиною... / А. Н. Вертинский.
- М.: Правда, 1990.- 576 с. : ил.

Библиотека КГМУ, отдел учебной литературы
2019